

МОСКВА

Демьян Бедный

1933–2025

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ЗАБЫТЫЕ ШЕДЕВРЫ
(СЕРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ)

МОСКВА

ПОЭМА В ДВУХ ЧАСТЯХ

САМИЗДАТ «ТРИЗНА» 2025

1-е электронное издание

Информация об издании

Автор:

Демьян Бедный (Е.А. Придворов)

Автор примечаний и предисловия:

Г.А. Ломакин (Евлашин)

Оригинальное издание:

Бедный Д. Москва. М.: Московское товарищество писателей, 1933.

Выходные данные:

Бедный Д. Москва. [Б.м.]: Самиздат «Тризна», 2025.

Поэма Москва Д. Бедного «Москва» была написана им к 15-летней годовщине Октябрьской революции, т.е. в 1932-м году. В поэме Бедный разворачивает перед читателем полотно истории города, демонстрируя разительные перемены в его облике в первые годы третьего десятилетия XX века. Поэма впервые в интернете публикуется полностью.

Редактор:

Г. Ломакин (Евлашин)

Технический редактор:

Г. Ломакин (Евлашин)

Подготовлено ТО «Тризна»

<https://t.me/totenmahl>

СОДЕРЖАНИЕ

Информация об издании.....	3
Предисловие к первому постсоветскому изданию	5
I. Москва старая.....	9
II. Москва новая.....	21

Предисловие к первому постсоветскому изданию

Ефим Александрович Придворов (будущий поэт Демьян Бедный) родился в 1883 году в деревне Губовке Александрийского уезда Херсонской губернии.

Несмотря на крестьянское происхождение, Демьян получит базовое для тех лет образование — обучение чтению и письму (в фельдшерской школе). После Первой русской революции Демьян Бедный обращается к революционно-демократическому лагерю общественной мысли. Он начинает выступать в журналах и газетах с простыми, народными, а главное — злободневными произведениями.

Сила Демьяна — в его умении соединять политический смысл с доступной формой. Он был мастером злой насмешки, его сатира помогала разрушать авторитет старого мира — попов, помещиков, белогвардейцев. В годы гражданской войны его стихи играли роль настоящего оружия, а простота и фольклорные приёмы делали их понятными и «своими» для массового читателя.

Но у творчества Демьяна есть и слабые стороны. Стремление быть «здесь и сейчас» часто оборачивалось поверхностностью: многие тексты устарели сразу после публикации. Ему не хватало художественной глубины, а порой и такта: в сатире он легко скатывался в прямолинейное оскорбление.

Нельзя не отметить также его недостаточную идейную зоркость в 1930-е годы, проявившуюся в отдельных неверных оценках и уклонах, когда поэт не сумел своевременно уловить новые задачи, поставленные коммунистической партией.

Тем не менее, вклад Демьяна Бедного в формирование советской поэзии огромен. Он явился первым крупным поэтом-агитатором новой эпохи, острословом революции, сумевшим выработать особую, неповторимую манеру стихотворной сатиры. Его поэзия — это яркое свидетельство того, как народный талант, воспитанный партией и революцией, стал грозным оружием против классового врага.

В опубликованной в 1932 году поэме «Москва» Демьян Бедный художественным языком рассказывает историю Москвы. Он показывает, как Москва из старинного, дряблого городка с низёхонькими домами и кривыми переулками без электричества и водопровода стала светлым и современным городом, подлинной столицей Советской России и всего мирового пролетариата.

В «Москве» Бедный предлагает нам не просто описание города, но театральную смену эпох: Москву старую, шатающуюся, и новую, плотную, как бетонная плита. Вступление поэмы — это зеркало, в которое поэт с почти антропологическим любопытством заглядывает, вынося на свет не только архитектурные изъёмы и «вшивые» переулки, но и привычки души, привязанные к этим улицам. «Москва — деревня-де большая», — так говорит голос, который одновременно и иронизирует, и оплакивает; старая Москва предстает в поэме не как туманный силуэт в ходе «приличной» экскурсии, а как реальный, живой организм со своими слабостями и причудами.

Это вступление не случайно выстроено через перечисление и сатирические штрихи: перечисление у Бедного — вовсе не средство эстетического воспевания, а орудие судебного протокола. Перечисляя «монастыри, дворцы, чертоги...», поэт показывает, как эстетика старой Москвы становится в новую, советскую эпоху набором безжизненных анахронизмов; он берет пушкинский «инвентарь» и поворачивает его в другую сторону — от декорации дворянской драмы, к революционной критике. Это тем более важно понимать на фоне того, что поэма родилась в начале 1930-х — времени, когда идейно-политический вектор особенно требовал ясных, мобилизующих образов и прямой связки культуры с задачами строительства социализма.

Переход ко второй, новой Москве у Бедного не тонален и не нюансирован — он стремителен, почти как смена сцены в театре. Там, где раньше кашляла старуха у окна, теперь грохочут «гиганты-бурава», там, где валялся «сапожник пьяный без сапог», выросли «автозаводы и сельмаши». Поэт сознательно выбирает метафору «завода как храма»: это не просто образная метафора, это утверждение нового сакрального центра — места труда. И в этом образе слышится конкретная историческая реальность: пятилетка, масштабные стройки, разговоры о Дворце Советов и капитальной реконструкции центра города — всё это не фон, а ткань поэмы, её материал.

Стилевой ход Бедного — сочетание разговорности и торжества, полного славословия. Его язык иногда выглядит простым до наивности: народные фразы, частушки, простая ритмика — всё это рассчитано на узнавание и мгновенный эмоциональный отклик. Но простота не всегда означает примитивность: в умении держать «народный» тон поэт демонстрирует политическую сноровку — он говорит так, чтобы его было слышно в рабочем клубе, на стройке, в трамвае. В то же время эта же простота — главный источник претензий эстетического порядка. Там, где образность могла бы усложниться, углубиться, поэт чаще выбирает ритм агитации и логическую ясность лозунга; в результате художественное пространство поэмы временами нарывается на приземлённую утилитарность.

Демьян Бедный прошёл путь от деревенского мальчика к поэту-агитатору: рождённый в 1883 году, он научился читать и писать, вошёл в революционные круги и сделал своей профессией говорить простым языком о больших переменах. Судьба его творчества была противоречивой — от широкой народной любви до партийной критики. Но, как бы то ни было, поэма «Москва» — лучшая иллюстрация лучших сторон этого пути. В ней Бедный показывает город как живой организм: старую Москву — с её дикими привычками и бескультурьем — и новую, рабочую, стройную Москву, где труд стал главным лекарством против старческой дряблости и могильной плесени прошлого. Сильные стороны поэмы очевидны: честный, народный язык; яркие бытовые сцены; мобилизующая энергия; умение переработать культурный канон ради новой правды. Как документ эпохи и как поэтический гимн труду «Москва» сохраняет живую силу — она звучит просто, тепло и убедительно.

Г.А. Ломакин (Евлашин)

I. Москва старая

Поэты — искренний народ,
И даже врут они правдиво:
Прочти враньё наоборот,
И выйдет правда вся на диво.
Но в наш октябрьский юбилей
Я не ссылаюсь на вралей.
Их было много, леший с ними.
Но не врялями лишь одними
Был полон прежний наш Парнас.
За хор вралей не все в ответе.
Недаром Пушкин был у нас,
Поэт правдивейший на свете.
Он чистой совести мерило.
Простым и честным языком
В нём вдохновенье говорило.
Пав жертвой гнусного царя,
Слился с народом он духовно,
Его «счастливая заря»
Пришла через столетье ровно.
И Пушкин бронзовый не зря
В соседстве мёртвого церковно
Страстного экс-монастыря,
В стране, живущей безоковно,
Так освещается любовно
Прожекторами Октября.

В мои стихи с октябрьской датой,

В мой юбилейный фельетон
С его раскраской грубоватой
Я вправлю пушкинский бутон,
Чтоб яркой пушкинской заплатой,
Живой, пленительной цитатой
Смягчить его суровый тон.
Тут объяснения докучны.
Понятно всем само собой:
С громами схваток неразлучны,
Не сладкозвучны — громозвучны
Стихи, рождённые борьбой, —
Они — плоды иной ритмовки,
Иной словесной расстановки
И цели явственно иной:
Борьбы с заветной стариной,
Со стариной и той, и этой,
Хотя б и Пушкиным воспетой,
Борьбы — тем самым — с ним самим,
Поскольку к ней он родословно,
Патриотически-сословно
Любовью барской был томим.
Москва помещичья, бывшая,
Эпохи зверя Николая,
Родную Пушкину была.
Для нас она не древней статью,
Не православной благодатью,
А красотой иной мила.

Напомню здесь согласно плану
Ту из «Онегина» главу,

Где говорится, как Татьяну
Везла помещица в Москву.
Чтоб, на балу иль на прогулке
Ей подловивши жениха,
Устроить свадьбу без греха
«У Харитонья в переулке».
Такой обычай был ходяч.
В усадьбе после долгих сборов,
Наказов барских, криков, споров,
«Поднялся шум, прощальный плач»,
Ввели на двор «осьмнадцать кляч».
Об этих клячах, кстати, слово:
Вид путешествия бывшего
На восемнадцати одрах
Типичен был на тех порах.
Лет через тридцать — вот картина! —
Порфиноносная дубина¹,
Сам русский царь, земной Аллах,
По югу ездил... на волах:
Царь на возу, волов две пары...
Читать полезно мемуары!
Зарывшись в них, я сам не свой.
Но всё ж вернёмся мы к странице —
К подъезду Лариных к столице.

Их длинный поезд пред Москвой.
Она уж близко. «Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми

¹ Имеется в виду прозвище Николая I — «Николай Палкин».

Горят старинные главы».
Тут Пушкин, вспомнив вид столичный,
Восторг высказывает личный,
Отстав от Ларинской вдовы:
«Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!»
Стихи, что мы зубрили в школе,
Как в самом точном протоколе,
Перечисляют нам — смотри:
«Дворцы, сады, монастыри»,
Среди столицы «огороды»,
«Лачужки... Магазины моды...
Балконы, львы на воротах
И стан галок на крестах».

Стихов приведенных итоги:
«Монастыри, дворцы, чертоги»,
Церковный ветхий инвентарь,
Всё, чем Москва кичилась встарь.
Потом, почти у всех поэтов,
Москве слагавших сотни од,
Сонетов нежных и приветов,
У всех лирических господ
Такой условно-пышный «код»
Вошёл в бесчисленно-повторный
Их живописный, стихотворный,
Словесно-ржавый обиход:
И «глаз не схватит улиц длинных»,

И «царства русского глава —
Золотоглавая Москва»,
И «на твоих церквах старинных,
Мол, вырастают деревья»,
И... Всё словесность для гостиных,
Для бар, дворян высокочинных.
Когда ж торговая Москва,
Пыхтя, вошла в свои права,
То для рядов её перинных
«Гостей» припомнили былинных,
Нашли высокие слова.
Но все слова, хоть их не мало,
Одно словцо перекрывало,
«Деревня» — вот оно словцо:
Оно столице придавало
Старозаветное лицо.
Москва — деревня-де большая²:
Лачужки вокруг «дворцов, палат».
Так восторгались, возвышая
Москвы «особенный уклад».

Москва... Над ней — часы с кукушкой
В руках — церковная печать...
На голове — чепец с опушкой...
«Семисотлетнюю старушкой»
Москву любили величать.
Старушка, щуряся от солнца,
Сидела грузно у оконца,

² Известное старинное выражение. Формула обозначает бытовую отсталость старой Москвы, которую поэт далее противопоставляет строительному взрыву 1930-х.

Смеялась, кашляя — ках!-ках! —
Что иностранец «уходился»,
Вконец запарясь заблудился
И оказался в дураках
В ее несчастных тупиках:
— Что там Парижи да Нью-Йорки,
Где все проспекты — на поди!
А ты попробуй — с Вшивой горки
Через переулки и задворки
В Кривоколенный попади! —
Кто человечек был не местный,
Не от московских повитух,
Мог проклянуть он путь свой крестный,
Нарвавшись сразу на известный,
Ржаной, квасной московский дух.

Москва плелась нескладной вязью:
Где та, где эта сторона?
Свою затхлостью и грязью,
Исконной тягой к безобразью
Недаром славилась она.
Когда почиститься пыталась,
Была тревоги вся полна,
Чтоб в тупиках не зашаталась
Не та, так эта старина —
Вал земляной или стена,
Средь покосившихся избушек
Скелеты древних церковушек,
Огрызки кирпичей одних
С древесной порослью на них.

Помётов горы голубиных —
Была причина такова,
Что на церквах Москвы старинных
Повырастали дерева.
По естеству — не убежденью,
Такому «древонасажденью»
Тож помогали в сих местах
И «стаи галок на крестах».

Московским университетом
Хоть и хвалились москвичи,
Но свет его был всё же светом
Едва мерцающей свечи.
Его не слишком раздували:
Нередко случаи бывали —
Свет этот мерк, едва не тух,
Когда сгущался безобразный,
Гнилой, отравленно-заразный
Охотнорядский тяжкий дух.
На новизну Москва косилась,
Со стариной она носилась,
Грязь вековую, перегной,
Отождествив со стариной.
«О, проклят будь, кто потревожит,
Великолепье старины,
Кто на неё печать наложит
Мимоходящей новизны!»³
Да, к старине пришив плешивой
Всю историческую спесь,

³ Цитата из стихотворения Н. Языкова «Ау!» (1831).

Не окажется спесь фальшивой,
Кривоколенною и вшивой
Москва б осталася поднесь.
Дворцы, палаты, церкви, галки,
Пруды гнилые, мусор, свалки,
Провалы улиц и дорог,
Сапожник пьяный без сапог,
Торговки, нищенки, гадалки,
Картина пьяной перепалки,
Тревожный свист, городской,
Жильцы тюремные, конвой,
Монастыри, монашьи туши,
Попы у Иверской, кликуши,
Толпа калек без рук, без ног, —
Средь осетров, севрюг, миног
С капустой кислою ушата,
Среди колбас, окороков —
Охотнорядские ребята,
Смесь христославия и мата,
Приходы — сорок сороков! —
И сорок тысяч кабаков, —
Толкуча Хитровки⁴ голодной,
«Стрельба» и сделки «на-шарап»,
Злой дух окарины безводной,
Сырой купчихи старомодной
Замоскворецкий тяжкий храп.
Святой визит к купчихе оной —

⁴ Хитровская площадь и сопутствующие торговые ряды (Толкуча, Хитровка, Охотный ряд) — в XIX–нач. XX вв. — районы бедноты, биржи труда, чёрных рынков и криминального быта. Бедный использует эти топосы как имена социальных пороков «старой Москвы».

Карета с Иверской иконой,
На Трубной лай и визг щенков⁵,
Разгул скандальный в ресторане
С концом развратным в жаркой бане
Купецких выроdkов-сынков,
Лохмотья, пышные наряды,
Ларьки, торговые ряды,
Архиерейские оклады
За богомольные труды,
Листочки Сергиевой лавры,
По царским дням трезвон, салют,
В лаптях Памфила, Фёклы, Мавры —
На богомолье пришлый люд,
Тревожный слух о всём на свете —
О близком страшном судном дне,
О новоявленной примете,
Дожде кровавом, о комете,
Холере, голоде, войне:
— Придёт нужда в любом предмете!
— Мука поднимется в цене!
— Пойдут в делах торговых крахи,
И сын восстанет на отца! —
Тревога вечная и страхи,
И страхи, страхи без конца.

Москве-старухе жить не мило.
Её предчувствие томило.
Оно сбылось. Холодный пот

⁵ На Трубной площади с середины XIX в. до 1924 г. существовал птичий рынок, где торговали птицами и мелкими животными, включая кошек и щенят.

У ней смешался со слезою,
Когда декабрьской грозой
Над нею грянул «Пятый год»,
Когда фабричные громады
Остановились на ходу,
Когда на Пресне баррикады
В пороховом росли чаду.
Москва от воплей истеричных
Лишилась голоса в те дни:
— Как проглядела я фабричных,
Что это изверги одни?! —
Москва восстаньем не хвалилась,
Свечей в церквах тогда не жгла:
Она земным богам молилась
И усмирителей звала.
Но даже после усмиренья,
Хоть отошла от одуренья,
Всё ж не совсем, не навсегда:
Ей всё мерещилась беда,
Не раз вгонял старуху в мыло,
Повторный взрыв фабричных смут.
Двенадцать лет дано ей было
Для передышки. И — капут.
Пришла грехам несметным кара.
Пора военного угара
Нежданным кончилась концом, —
В дни «большевистского кошмара»,
Набравшись сил для контрудара,
Потом поверженным бойцом
Москва, кряхтя, у самовара

Сидела с горестным лицом.
В борьбе гражданской и разрухе
Уж места не было «старухе»:
Как вся советская страна,
Омолодилась она
В борьбе тяжелой и суровой
С белогвардейскую ордой,
И с бескультурьем, и с нуждой.
И речь идёт теперь о новой,
Бетонно-кряжистой, здоровой,
С рабочей творческой основой,
Москве советской, молодой.

II. Москва новая

С чего начать, не знаю точно,
Но любо мне с того начать,
Что на Москве теперь уж прочно
Лежит культурности печать.
От колокольного трезвона
Уже не пухнет голова,
И у церковного амвона
Уж не корячится Москва.
Дела совсем уже не бойки
У колокольной каланчи,
Идут на чудо-новостройки
Святых развалин кирпичи.
У ресторанной жирной стойки
Уж не толпятся богачи,
И после úхарской попойки
Уже купеческие тройки
Не мнут прохожего в ночи.

Довольно быть Москве старушкой
В чепце с потертою опушкой!
Навек покончено с Москвой
Былой, купеческой и барской,
С первопрестольной дряблой царской
Порфиноносную вдовой.
Твердыня власти пролетарской,
Омолодилась она.
Куда девались — седина,
Мешки подглазные, морщины
И вздохи старческой кручины?

Иная жизнь, иной расцвет.
Москвы-старухи больше нет,
Полупараличём разбитой.
Москва на весь на белый свет
Отныне стала знаменитой
Не сединой, не стариной
Гнилой, церковно-златоглавой,
На веки вечные иной
Она себя покрыла славой.
На место ситцевой Москвы
С купецкой рожей у лабаза —
Металлургическая база!
Порфиноносной нет вдовы,
Есть центр рабочего экстаза,
Есть сердце, нервы, мозг живой
Всемирной рати трудовой.
Вид — не для кисти богомаза,
Что бредит старою Москвой.
Картина страшная для глаза,
Который ищет в ней следов
Покрытых плесенью годов.
Мы рушим храмы в позолоте,
Но их кирпич берём в приход,
И вот — на «Сукином болоте»⁶
Растёт невиданный завод.
Заводы — вот где храмы наши,
Где у литейной жаркой чаши

⁶ Сукино болото — историческая местность на Юго-Востоке Москвы, которую с XIX в. использовали как свалку и затем осваивали под промзоны; в советское время там разместили крупные автозаводы (включая будущий АЗЛК и Южный порт).

Снуют бойцы-богатыри.
Автозаводы и сельмаши⁷
Милее нам, чем алтари.
Орда помещиков баранья,
Где ты рассеялась теперь?
«Дом благородного собранья»
Культурным домом стал теперь,
Центральным домом профсоюзов.
Во все «палаты и дворцы»
Вошли подвальные жилыцы,
В них разместились сотни вузов,
Где прежний учится бедняк,
Где побеждает, стиснув зубы,
Алгебраические кúбы
Наш пролетарский молодняк.

Москва от центра до предместий
Вся стала грамотною сплошь:
Газеты вынь ей да положь.
С утра ни «Правды», ни «Известий»
— Примерно после девяти
Уже в киосках не найти, —
Чему дивиться мы не склонны,
Хоть тиражи их миллионны.
Берут газеты нарасхват,
Ведь в них рабочий аромат.
Всё — от статей и до портретов —
Начистоту и без секретов

⁷ Отсылка к реальной волне создания автопредприятий и машиностроения в Москве конца 1920-х — 1930-х: КИМ/АЗЛК (будущий «Москвич»), ЗИС (позже ЗИЛ) и др.

Нам об одном лишь говорит:
Что власть советская творит,
Чем мы живём и чем мы дышим,
Что мы ломаем, строим, пишем,
Как улучшаем каждый день
Жизнь городов и деревень,
Как укрепляем оборону,
Чтоб защитить страну свою,
Чтоб дать любому фон-барону,
Милорду, пану иль мусью
Отпор в решительном бою.
Я сам, едва вскочивши с койки,
Спешу к газетам, свеж и бодр,
И начинаю их просмотр
С бесед с ударниками стройки:
Как много в них ударных тем
Для изумительных поэм!

Кипит, бурлит в Москве работа.
Где были свалки и болота,
И гнилодонные пруды,
Там нынче выросли без счёта
Бульвары, парки и сады,
Где, занята живой игрою
До часа позднего с утра,
Подобно радостному рою,
Резвится наша детвора.
Узнай бывлые мостовые:
Они в асфальт наряжены,
Электролампы дуговые

В них по ночам отражены, —
Былая грязь — её забыли,
Остатки мусора и пыли
Удалены с асфальта прочь, —
Грузовики, автомобили
По нём снуют и день и ночь.
— Эй!.. Сторонись! — Извозчик! — Занят! —
В Москве так больше не горланят.
Источник всяческих зараз,
Извозчик сонный, плутоватый,
Всегда нечёсанный, лохматый,
Сей допотопный дикобраз —
Совсем исчез он с наших глаз.
Москву от края и до края
Покрыла густо сеть трамвая,
Снуют автобусы везде.
Но — время дорого! — в езде
У москвичей нужда такая
И на трамвай такой напор,
Что — где посадка, там и спор,
Вопит кондуктор: — «места нету!»
Пришлось думать Моссовету,
Что, в самом деле, не пора ль,
Рыть под землю магистраль?
И вот уж в грунте, мягком плотном,
На Каланчёвке и в Охотном,
И на Песках у Покровá
Скрипят гиганты-бурава,
Хрипят машины-землеройки.
Нет уголка Москвы без стройки.

Как разместить в ней весь народ?
В Москве людской коловорот.

В том нет конфузной небылицы:
В Москве жилищная нужда,
Хоть на окраинах столицы
Повырастали города.
Какие высятся громады
Домов рабочих! Красота!
В них ширина и высота.
Их новосёлы вот как рады!
На новосельи разговор:
— Вот где семье теперь простор!
Вот заживём мы где с Феклушей!
А через месяц речь послушай:
В деревне чуткая родня
Дождáлась радостного дня,
Заголосила тётка Вера:
— У Ваньки, слышь, в Москве хвартера!
Прощай простор и чистота!
В квартире новой теснота⁸,
Её деревня населила:
Сначала тётка привалила,
Потом невестка и зятёк,
Потом троюродный племянник,
Потом забрёл какой-то странник...
Глядь, не квартира уж — предбанник.

⁸ Описанные бытовые сцены — переселения из деревни, набор «тёток и зятков» в новую квартиру и временная теснота — отражают реальный процесс массовой миграции и жилищной кампании 1920–30-х.

Хозяевам хоть наутёк.
Глупец, кто ищет здесь порока,
В Москве идут дома до срока,
Но, стройся темпом хоть каким,
Из тесноты не вырвешь бока.
В Москве скрестились два потока,
Поток строительный с людским.
Наш край — не малая сторонка,
Волна людская — глубока,
Москвы широкая воронка,
Её строительная гонка
С ней не справляются пока,
Но, расширяясь упорно,
Москва с ней справится бесспорно.

Москва-река у нас в чести:
Хотят к ней Волгу подвести,
Москва-река из мелководной
Рекою станет судоходной.
Но и сейчас она не та:
Не обрастает илом, тиной,
Вода в ней выше поднята
Бабьегородскою плотиною⁹,
Ещё в проекте новый порт,
Ещё проходит он «по смете»,
Но у реки уж есть рекорд —
В досель невиданном расцвете
Её рабочий водный спорт.

⁹ Бабьегородская плотина — историческое гидросооружение на Москве-реке (построена в XIX в., ликвидирована в 1930-х в связи с крупными речными переустройствами).

Когда-то с пьянкой неразлучный
И утопавший в темноте,
Культурным парком стал Нескучный.
И уж Сокольники не те,
Какими были в оны годы:
В них больше света и красы,
Нет хулиганской старой моды,
И окультурены часы
Разумно-праздничной свободы.
Бахвальство пьяных дураков,
Их пьяный спор до кулаков
И до «заезда в ухо, в зубы»,
Кому они, как прежде, любы?
Стал самый воздух не таков,
Где заводские дышат трубы,
Где вместо грязных кабаков,
Сады устроены и клубы.
Переменился старый быт,
Семья в ином предстала свете:
Муж не собьёт жену «с копыт»,
Собьёт — окажется в ответе:
С него разбойно-дикий зуд
Собьёт товарищеский суд.
Смотря привыкшими глазами
На новой жизни пёстрый луг,
Уж мы не видим часто сами,
Как обновилось всё вокруг,
Как много зла ушло со сцены,
Мещанских вымыслов, шумих,

Как грандиозны перемены
Везде, во всём — и в нас самих.

Снесём часовенку, бывало,
По всей Москве: ду-ду! ду-ду!
Пророчат бабушки беду.
Теперь мы сносим — горя мало,
Какой собор на череду!
Сколько в Москве — без дальних споров —
Не досчитаешься соборов!
Дошло: дерзнул безбожный бич —
Христа-спасителя¹⁰ в кирпич!
Земля шатнулася от гула!
Москва и глазом не моргнула.
— «Дворец Советов» строят, вишь! —
Москву ничем не удивишь.
Как птица, взмывшая из клетки,
Её фантазия парит
И облик сказочный творит
Второй — великой пятилетки.

Колонны цифр и чертежи
Поют ей сладостную песню.
Несокрушимой нет межи.
Москва — ей пользу докажи —
Перекроит Арбат, всю Пресню,
Охотный ряд снесёт в момент

¹⁰ Речь о знаменитом демонтаже Храма Христа Спасителя (разрушен в 1931 г.) и о планах строить на этом месте Дворец Советов — монументальный проект 1930-х, замороженный во время Великой Отечественной войны; позже площадка использовалась под бассейн «Москва», а собор восстановили в 1990-х.

И для бульварных дивных лент
К «Дворцу Советов» вкруговую
Перелицует Моховую.
Советский Кремль в её челе.
Всё изменилось в Кремле.
Монашым был он прежде раем,
Но — Чудов¹¹ выглядел сараем,
Но — мусор вязкий, вековой,
Гнил на кремлёвской мостовой.
Стал нынче Кремль неузнаваем:
Сверкая свежей белизной
Своих бесчисленных строений,
Стоит он точно вырезной
Как некий образ показной
Культурных наших достижений.
И чем смешней он, тем старей,
Былой Кремля «путеводитель»:
Не разыскать монастырей,
Исчез с оградой галерей
И мозаичных в них царей
Чугунный шут-«Освободитель»¹².
Асфальт повсюду и гранит,
Цветы, зелёные аллеи.
Коль ряд соборов Кремль хранит,
То превративши их в музеи.

¹¹ Чудов монастырь был закрыт и разобран в конце 1920-х (демонтаж к 1929 г.). Снос монастырей и церковных построек — часть антирелигиозной и градостроительной кампании.

¹² Памятник императору Александру II в Кремле — несохранившийся мемориал, открытый в 1898 году у Малого Николаевского дворца на склоне Боровицкого холма, обращённого к Москве-реке. В 1918 г. демонтирована статуя Александра II. В 1928 г. памятник разобран окончательно.

Но сам он творчески-живой
Не жизнью старо-бытовой,
Не силой ржаво-орудийной,
Стоит твердыней мировой,
Наш страж идейно-боевой,
Наш центр рабоче-мозговой
Советской жизни и партийной.

Когда б какой увядший фронт,
Великостажный эмигрант,
В Москве сегодня очутился,
Он, охнув, за сердце б схватился,
В недоуменьи бормоча:
— Да где я, собственно? В Москве ли?! —
Я разумею москвича,
Который знал в Москве все щели.
Блуждая в центре иль окрест,
Он не узнал бы многих мест —
Любых, центральных иль окрестных,
Ему когда-то столь известных.
И площадь Красная сама
Его б свела теперь с ума:
— Она! Да, подлинно, она ли?
Куда же Минина¹³ угнали? —
...Тут эмигранта заодно
Я уберу из текста тоже:
Терпеть на Красной непригоже

¹³ Строка отсылает к перестройке Красной площади и перемещению/переформированию публичных пространств: в 1930-е происходила реконструкция площади (появление мавзолея, перенос памятников). Памятник Минину и Пожарскому менял свою позицию в 1930-е (передислокации в рамках реконструкции площадей).

Такое чёрное пятно,
В день юбилейный особенно.

Уж кони ржут нетерпеливо,
Грызя стальные удила́.
Сегодня дивные дела
На Красной площади творятся.
Для старика-охотнорядца,
Для всех ошмётков давних лет
На ней сегодня места нет.
Им не услада, не награда —
Часы октябрьского парада,
Их огорчительно дивит
Красноармейцев бравый вид,
Стальные танковые брони
С отметкой подвигов былых
И лихо скачущие кони
Кавалеристов удалых,
Вид комсомольского отряда —
Морских бойцов из Ленинграда
И — (банды белые, ау!) —
Отряд железный Ге-пе-у¹⁴.
То наша гордость и отрада,
Несокрушимый наш заслон.
За ним — несчётный ряд колонн,
Основа красного парада —
Наш боевой рабочий строй,
Наш пролетарский класс-герой:

¹⁴ ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление) — орган государственной безопасности СССР, существовавший в 1923—1934 гг.

Все — крепким сходные обличьем —
От металлистов до ткачей,
Все, чьё упорство, подвиг чей
Весь мир дивят своих величьем.
Вот в вихре песен и игры
Идёт за фабрикою школа,
Отряды чудо-комсомола
И пионерской детворы.
Пред мавзолеем-великаном,
Там, где лежит в гробу стеклянном,
Любовью нашею храним,
Тот, кто октябрьским был титаном,
Склонив знамёна перед ним,
Идут колонны и отряды,
Сомкнулись дети и отцы,
И устремляют жадно взгляды
Туда, где ленинской плеяды
Стоят отважные бойцы!
Несчётные аэропланы
Ревут в бездонной вышине.
Внимают все моря и страны
Московской радиоволне.
Везде и всюду — в целом мире —
Где только звуки не мертвы,
Трепещет радостно в эфире
Гул торжествующей Москвы!

Но наивысший час парада
Тот будет час, иль два часа,
Когда Москвы и Ленинграда

Сольются братски голоса.
Когда Москва в своём приветe
Так, чтоб во всём звенело свете,
Воскликнет, радостно горя:
— «В стране казарм и экзекуций
Став колыбелью революций,
Стряхнув последнего царя,
Боец и пламенный оратор,
Сегодня ты — наш триумфатор,
Первозачинщик Октября, —
В октябрьском первом манифесте
Твой голос гневно-боевой
Гремел грозою мировой,
Со всем рабочим классом вместе
Сегодня чту я подвиг твой!»
И сердце пролетариата
Наполнят гордостью слова,
Те, что у звуко-аппарата
В честь героического брата
Произнесёт сестра — Москва!

*7 ноября 1932 года
Демьян Бедный*